

Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 108—119.

Woman in Russian Society. 2026. No. 3. P. 108—119.

Научная статья

УДК 314.146(470.315)

EDN: <https://elibrary.ru/jqcqmq>

DOI: 10.21064/WinRS.2026.3.8

МОБИЛЬНОСТЬ ТАТАРСКОЙ ЖЕНЩИНЫ И СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.

Лилия Рамилевна Габдрафикова

Институт истории имени Шигабутдина Марджани,

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, bahetem@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется географическая мобильность образованных татарских женщин и их влияние на социальную модернизацию страны. Традиционно широкая география брачных связей представителей татарской мусульманской элиты, обусловленная их родовыми и корпоративными интересами, усилила женскую мобильность к рубежу XIX—XX вв. Женщины соединяли татарские уголки Волго-Уральского региона и Центральной России, Сибири, Крыма и т. д. Несмотря на то что женские передвижения были ограничены мужским контролем, после 1905 г. растет число работающих незамужних женщин. Эмансипированное поведение приветствовалось некоторыми татарскими газетами, такие публикации в прессе служили ориентиром для молодых девушек. В статье приводится резонансный случай поэтессы З. Бурнашевой. Автор приходит к выводу о том, что татарские женщины становились агентами новых идей и стратегий. В одних случаях в этом им помогали капиталы отцов, в других — их повседневное поведение и публичная активность.

Ключевые слова: мобильность, татарские женщины, модернизация, начало XX века, Российская империя, история татар, социальная история

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Академии наук Республики Татарстан 2024 г. на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

Для цитирования: Габдрафикова Л. Р. Мобильность татарской женщины и социальная модернизация России на рубеже XIX—XX вв. // Женщина в российском обществе. 2026. № 3. С. 108—119.

Original article

THE MOBILITY OF TATAR WOMEN AND RUSSIA'S SOCIAL
MODERNIZATION AT THE TURN
OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES*Liliya R. Gabdrāfikova*Marjani Institute of History, Academy of Sciences Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation, bahetem@mail.ru

Abstract. This article presents a study of the geographic mobility of Tatar women from the educated classes and their influence on Russia's social modernization. The study is based on the biographies of Fatykha Aitova, Zukhra Akchurina, Mukhlisa Bubi, Abruy Sayfi, Khadija Yamasheva, Fatima-Farida Nauruzova, Sarya Shakulova, Sahipdzhamal Gizatullina-Volzhsкая, and other Tatar women. The Tatar Muslim elite (merchants and clergy) engaged in a wide range of marital alliances, as they were guided by their own traditions as well as family and corporate interests. This influenced women's mobility, which increased at the turn of the 19th and 20th centuries. Tatar women connected the Tatar communities of the Volga-Ural region with Central Russia, Siberia, Crimea, and other regions. Of course, women's travel was limited by male influence, as dictated by the Russian passport system. However, following the 1905—1907 revolution, the number of working, unmarried women increased. Some Tatar newspapers supported the emancipated behavior of Tatar women, and their publications served as a guide for young women. The article recounts an episode involving the scandalous case of the poet Zahida Burnasheva. In 1915, she ran away from her parents and became an activist in the Tatar women's movement. The author concludes that Tatar women became champions of new ideas and strategies. Some of them had capital inherited from their fathers and the support of their families, which enabled them to launch various social projects (opening schools, shelters, charitable organizations, newspapers, etc.). The everyday behavior and social activities of Tatar women also served as an example for society.

Key words: mobility, Tatar women, modernization, early 20th century, Russian Empire, Tatar history, social history

Acknowledgments: This work was supported by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (2024) for fundamental and applied scientific research in scientific and educational institutions, enterprises, and organizations in the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

For citation: Gabdrāfikova, L. R. (2026) Mobil'nost' tatarskoï zhenshchiny i sotsial'naia modernizatsiia Rossii na rubezhe 19—20 vv. [The Mobility of Tatar Women and Russia's Social Modernization at the Turn of the 19th and 20th Centuries], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 108—119.

Введение

Развитие современного общества и научных знаний способствует тому, что женщина как субъект истории привлекает все больше внимания ученых [Энгель, 2023]. Учёт этнического разнообразия и исторического опыта народов России позволяют представить более рельефную картину прошлого. В истории татар особый интерес вызывает рубеж XIX—XX вв., когда на фоне мусульманских (джадидских) реформ в системе образования развивалось и женское просвещение, а социально-экономические перемены в Российской империи способствовали эмансипации

татарских женщин. В этом процессе важное место занимает мобильность. Именно через это понятие можно увидеть как масштабы женской активности (в том числе широкий географический охват), так и степень влияния самих татарских женщин на изменения в стране.

Самой первой работой, по которой можно проследить женскую мобильность XIX — начала XX в. является «Асар» — труд татарского просветителя Р. Фахреддина о мусульманских деятелях Оренбургского магометанского округа, где нередко упоминались их супруги или дочери. Продолжением этой идеи можно считать труд журналиста первой половины XX века И. Рами, в котором он собрал биографии ярких персон татарской культуры второй половины XIX — начала XX в., в их числе писательниц и общественных деятельниц¹. Его современница Захида Бурнашева (1895—1977) сделала попытку осмысления проблемы татарского женского движения начала XX в. [Бурнашева, 1971]. При этом в советские годы схожие проблемы рассматривались либо в общественно-политическом русле с привязкой к определенной территории (вклад женщин в борьбу за Советы), либо в контексте истории конфессионального образования. В татарстанской историографии можно подчеркнуть работы А. Х. Махмудовой и Т. А. Биктимировой, начавших научный путь в советские годы, а в постсоветское время внесших вклад в изучение биографий татарских деятельниц начала XX в. [Биктимирова, 2011], в том числе издавая отдельные сборники материалов². Результатом актуализации исламоведения в 1990-е гг. стала работа С. Фаизова, посвященная Всероссийскому мусульманскому женскому съезду, прошедшему в Казани в апреле 1917 г. [Фаизов, 2005]. Данное событие и сейчас находится в фокусе внимания как отечественных [Хабутдинов и др., 2023], так и зарубежных исследователей. Например, татарское женское движение интересно турецким историкам, и они делают упор на женском литературном сообществе [Adiloğlu, 2020]. В целом «женские голоса» являются одним из перспективных направлений исследований и сконцентрированы, главным образом, на изучении татарской прессы начала XX века [Брилева, 2018]. Недавно исследовательницами Л. Р. Муртазиной и А. А. Зиннатуллиной был подготовлен отдельный сборник материалов по этой теме³. «Женский вопрос» присутствует в работах по социальной истории, в исследованиях о повседневности [Габдрафикова, 2015; Человек в революции, 2017: 245—270; Габдрафикова, 2019]. Однако имеющийся материал нуждается в комплексном анализе.

Цель нашего исследования — изучение влияния географической мобильности образованных татарских женщин рубежа XIX—XX вв. на социальное пространство. Конечно, тезис о прогрессивном характере женского движения не является чем-то новым и раскрыт в разных исследованиях на общероссийском материале [Хасбулатова, 2017]. Но нас интересуют неформальные коммуникации. Например, Д. Росс изучила взаимодействие между татарами из разных регионов Российской империи и представила модель татарской сети. К сожалению, его женской составляющей не уделено никакого внимания [Ross, 2020].

¹ Әдәби сүзлек (элеке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек) / төз.-авт. Рәми И. Г., Даутов Р. Н. Казань: Татарстан китап нәшрияты, 2001. 399 б.

² Милләт аналары: тарихи-документаль һәм биографик жьентык / төз.-авт. А. Х. Мәхмүтова. Казан: Жыен, 2012. С. 210—211.

³ XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре (документлар жьентыгы) / төз.-авт. Муртазина Л.Р., Зиннатуллина А.Ә. Казан: ТР ФА Ш.Мәржани ис. Тарих институты, 2020. 380 б.

Между тем, опираясь на концепцию агентности, татарок Российской империи можно изучать и в качестве субъекта публичной деятельности, и как образец для общества [Ребрей, 2022]. Нам не хотелось ограничивать женское сообщество лишь рамками общественно-политического движения или литературного творчества. Поэтому были выбраны татарки, занятые в социокультурной сфере и отличавшиеся географической мобильностью. Они объединяли разные уголки страны и выступали своеобразными агентами модернизации. При этом условия и мотивы их мобильности были разными, так же как и результаты их труда.

География мобильности татарской женщины

Татары в Российской империи были расселены дисперсно. Наиболее компактные районы их проживания находились в Волго-Уральском регионе, отдельные островки — в Центральной России и Сибири. На карте России имелись разные точки притяжения, где были сконцентрированы татарские общины со своей социокультурной инфраструктурой.

Казань являлась культурным центром татарского мира. Особенно усилилась эта роль к началу XX в., когда экономический потенциал татарского предпринимательства стал базой для развития городской культуры модернистского типа. Так, именно в этом городе прошел Всероссийский мусульманский женский съезд в апреле 1917 года. Но маршруты женских передвижений включали и столичные города (особенно при получении высшего образования), и другие населенные пункты.

Например, уроженки Симбирской губернии, представительницы рода Акчуриных — Зухра и Марьям — в конце XIX в. оказались в Бахчисарае и Уфе. Три уроженки г. Чистополя и одноименного уезда Казанской губернии — Хадича Бадамшина (Ямашева), Фатима-Фарида Вагапова (Наурузова) и Накия Гильманова (Абруй Сайфи) — успели поработать в Оренбурге, Томске, Уфе, Астрахани, Тамбовской губернии и Казани. Уроженки г. Касимова Рязанской губернии Биби-Разия Кутлюрова (Сулейманова) и Сара Шакулова учились в Москве и Париже, а работали в Оренбурге, Казани, Уфе и др. городах. Показательно и то, что после февраля 1917 г. одна из татарских женщин — Абруй Сайфи — была избрана гласной городских дум сразу в двух городах — Уфе и Казани [Человек в революции, 2017: 261—262]. Раннесоветские годы еще более расширили географию женской мобильности: татарские женщины были мобилизованы для социокультурной работы в молодых республиках Средней Азии и Закавказья, а также в Крыму. Они участвовали в организации советских школ и больниц, культурных и научных учреждений.

Женская активность под мужским контролем

На рубеже XIX—XX вв. большинство татарских женщин жило в координатах мусульманской культуры, где их деятельность не выходила за рамки частной сферы, появление в публичном пространстве было редкостью. Способствовали этому и юридические нормы: передвижения женщин затруднялись из-за особенностей паспортной системы. Вид на жительство давался с разрешения родственников или опекунов мужского пола. Например, в 1886 г. оренбургский муфтий М. Султанов обратился в Министерство внутренних дел с просьбой строже проверять документы мусульманок и считать их действительными лишь в том случае, «если они выданы мужьями, отцами или опекунами». Так он пытался «принять меры к сокращению

числа магометанок, занятых проституцией» [Габдрафикова, 2015: 278]. Рост этого легального промысла компрометировал всех женщин — муж мог обвинить сбежавшую жену, даже если она трудилась в другой сфере [там же: 309].

Были и другие юридические сложности. Очень иллюстративен пример Мухлисы Нигмутуллиной-Буби (1869—1937). Уроженку с. Иж-Буби Сарапульского уезда Вятской губернии, дочь муллы, выдали замуж за такого же религиозного служителя из д. Мастеево Мензелинского уезда Уфимской губернии в 1887 г. Но в 1895 г. она сбежала от мужа с двумя дочками, сговорившись с братьями. Официальный развод с супругом был оформлен лишь в 1917 г., когда Мухлису Буби избрали мусульманской судьей ОМДС (Оренбургское магометанское духовное собрание). Для этого понадобилась специальная фетва⁴.

В конце XIX в. передвижения образованных татарок чаще всего были связаны с замужеством и делами супруга. В это время можно говорить не только о географической, но и о социальной мобильности. Женщины меняли не просто место жительства и семейное положение, а начали оказывать социокультурное влияние. Один из ярких примеров — переезд из Симбирской губернии в Бахчисарай купеческой дочери Зухры Акчуриной (1862—1903), супруги крымскотатарского дворянина И. Гаспринского. Их общим делом стала газета «Тарджеман», которая распространялась по всей Российской империи⁵. В 1887 г. уроженка города Троицка Оренбургской губернии, купеческая дочь Фатиха Яушева (1866—1942) вышла замуж за казанского купца С. Аитова. Семья Яушевых много внимания уделяла социокультурным вопросам в родном городе. Эти традиции продолжила в Казани и Фатиха Аитова — в 1897 г. открыла женскую школу, а в 1916 г. учебное заведение получило статус частной гимназии⁶.

Похожая история жизни у первой женщины-врача из татар Б.-Р. Кутлюяровой-Сулеймановой (1866—1923), которая сначала трудилась в сфере земской медицины в родном Касимовском уезде Рязанской губернии, а потом связала жизнь с Оренбургом, где проявила себя и как яркая общественная деятельница. Она была в числе организаторов Оренбургского мусульманского дамского общества⁷.

Учредительницей Уфимского мусульманского дамского общества в 1908 г. стала Марьям Акчурина-Султанова (1859—1928). Дочь симбирского промышленника и благотворителя оказалась в Уфе в результате замужества, она была невесткой муфтия М. Султанова. Капитал отца и авторитет свёкра помогли осуществить разные социальные идеи. Например, еще в конце XIX в. она открыла школу-приют для мусульманок⁸.

Широкая география брачных связей была характерна именно для женщин определенных социальных корпораций (купечества, религиозных служителей), что объяснялось их родовыми и корпоративными интересами.

⁴ Милләт аналары: тарихи-документаль һәм биографик җыентык. С. 210—211.

⁵ Там же. С. 81—83.

⁶ Там же. С. 362—368.

⁷ Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте бунча кыскача белешмәлек). С. 145.

⁸ XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре (документлар җыентыгы). С. 99.

В начале XX в. росла мобильность других категорий татарского населения. Например, к этому времени была налажена система подготовки учителей (мугаллимов) для русско-татарских школ, выпускники которых могли получить назначения по всей России. Выпускник Казанской татарской учительской школы Х. Ямашев в 1902 г. женился на Х. Бадамшиной (1883—1950), дочери чистопольского купца. В 1905 г. супруги перебрались из Казани в Уфу, потом были Оренбург и снова Казань. В Оренбурге Хадича Ямашева была редактором татарской газеты «Урал», а в Уфе участвовала в первых татарских театральных постановках. Как указание татарки редактором, так и её выход на сцену были серьезным вызовом обществу. После внезапной смерти супруга в 1912 г. Х. Ямашева не оставила публичную активность: получила образование в сфере медицины, участвовала в политических собраниях. Вероятно, оказал влияние и второй брак с юристом В. Таначевым. В 1917 г. она была в числе организаторов первого мусульманского женского съезда в Казани, также её избрали гласной Казанской городской думы [Человек в революции, 2017: 262].

Другая уроженка Чистополя Ф.-Ф. Вагапова (1889—1914), дочь торговца, вышла замуж за учителя В. Наурузова и в 1908 г. уехала вместе с ним в Томск, потом супруги переехали в Уфу. В обоих городах они издавали татарские газеты («Сибирия», «Тормыш»), где много внимания уделялось «женскому вопросу». Ф.-Ф. Вагапова-Наурузова была автором этих изданий, а современники считали её видной татарской журналисткой [Биктимирова, 2011: 33].

Новая женская мобильность: за знаниями и профессией

Внимание к «женскому вопросу» на страницах татарской прессы, открытие женских школ способствовали росту мобильности татарок. Можно выделить две профессии, взятые ими на вооружение в начале XX в., — это мугаллима (учительница) и актриса. В советское время представительницы этих профессий стали основой татарской интеллигенции и «культурного строительства».

Татарские театральные труппы начали активно развиваться после 1905 г., они стали источником дохода и для небольшой группы женщин. Наиболее успешной была труппа «Сайяр», организованная в Казани. С 1907 г. она гастролировала по всей стране, постепенно в её составе появились женщины. В отличие от участниц первых публичных татарских спектаклей (как, например, Х. Ямашева), это были женщины из мещанско-крестьянской среды. Если для первых разовое участие в татарских постановках было связано с идейно-корпоративными соображениями, то вторые постоянно служили театральному делу в составе трупп.

Одной из таких женщин была уроженка Казани, к тому времени сирота, Сахипжамал Гиззатуллина (1885—1974), взявшая псевдоним Волжская. В 1912 г., через несколько лет гастрольной жизни, актриса ушла из казанской труппы «Сайяр» и организовала труппу «Нур». Труппа выступала в разных городах, но накануне 1917 г. базировалась в Уфе⁹. Что касается «Сайяр», то в этот период там работало несколько семейных пар (Болгарские, Байкины, Иманские). Помимо романтического момента, брачные отношения упрощали вопросы юридического обеспечения женских передвижений, ведь актрисы были приписаны к паспортам супругов-актеров.

Интересно, что татарские актрисы не участвовали в женском движении начала XX в.: их не было среди участниц Всероссийского мусульманского женского съезда

⁹ Татар театры (1906—1926). 2 нче басма. Казан: Мәгариф, 2003. С. 148—153.

1917 г. и других политических собраний. Судя по всему, профессиональная занятость в развлекательной сфере вызывала мало доверия в мусульманской среде. Но мобильность этой профессиональной группы сыграла большую роль в эмансипации татарок в начале XX в.

Татарских учительниц (мугаллима) воспринимали в обществе с большим уважением, нежели актрис. Однако фигура работающей татарки (особенно незамужней), даже в сфере народного образования, оставалась не менее революционной. Неслучайно именно учительницы составили основу татарского женского движения в 1917 г., а позднее стали активистками женотделов. Одной из таких женщин была Абрый Сайфи. Она уехала из родного Чистопольского уезда Казанской губернии вместе с мужем-мугаллимом в Астрахань, где работала в женской школе Мусульманского благотворительного общества «Шураи ислам». После закрытия мектеба в 1914 г. она учительствовала в с. Азеево Тамбовской губернии [Бурнашева, 1971: 95, 126—127]. Накануне октября 1917 г. А. Сайфи жила в Уфе, избиралась даже гласной Уфимской городской думы. В целом число татарских учительниц выросло именно в годы Первой мировой войны, что объяснялось недостатком педагогических кадров и открытием новых школ.

На рост мобильности повлияла и либерализация паспортной системы в 1914 г.: российские женщины могли получить вид на жительство самостоятельно [Энгель, 2023: 163].

Еще накануне войны появилась практика частных летних учительских курсов для мугаллима. Позднее они приобрели официальный характер, открылись в Уфе и Оренбурге, а выпускницы получали свидетельства с правом на трудоустройство [Габдрафикова, 2019: 308—309]. Одним из первых начали готовить учительниц еще в с. Иж-Буби Вятской губернии, где выдавали официальные свидетельства. Туда съезжались девушки из разных уголков страны (привозили их отцы).

Но в тот период, помимо борьбы с хранением нелегальной литературы и революционной агитацией, в жандармской практике Российской империи появляется расследование о «панислализме». Все это было связано с растущей на рубеже XIX—XX вв. консолидацией татарского сообщества вокруг идей просвещения нового формата. Опасения властей, не понимавших этноконфессиональной специфики этих стремлений, использовались иногда и самими татарами-мусульманами, в том числе в ходе межличностных конфликтов. Все это создавало еще большую путаницу [Габдрафикова, 2024: 169—171]. На этом фоне, несмотря на то, что судебные разбирательства в итоге нигде не подтвердили обвинения, закрылось несколько татарских учебных заведений.

Эти события оказали влияние и на судьбы наших героинь. После закрытия женского мектеба уехала из Астрахани в Тамбовскую губернию А. Сайфи, то же самое случилось и с М. Буби. Из Вятской губернии она отправилась в Оренбургскую, где с 1913 г. преподавала в женской школе «Сююмбике» г. Троицка. Уже в 1915 г. в этом городе открылась Татарская женская учительская семинария и одной из преподавательниц стала М. Буби. Таким образом, учительницы были своеобразными агентами новых знаний и идей. В мае 1917 г. именно М. Буби избрали женщиной-судьей на Всероссийском мусульманском съезде в Москве. Это был уникальный случай для мусульман. Любопытно и то, что сама Мухлиса ханым не присутствовала на этом съезде, её избрали заочно [Фаизов, 2005: 42]. Обязанности судьи Центрального

духовного управления мусульман она выполняла и в советские годы, жила в Уфе до ареста в 1937 г.

Накануне 1917 г. женская мобильность охватила молодых, чаще незамужних девушек. Среди них были не только актрисы или учительницы, но и гимназистки и студентки. Например, в 1916 г. из Рязанской губернии переехала в Казань С. Шакулова — первая женщина-математик из татар. Она преподавала в гимназии Ф. Аитовой. После 1917 г. уже в Казани она была вовлечена в ряды работников партии. Через несколько лет С. Шакулова переехала в Уфу, где трудилась заместителем наркома народного образования БАССР¹⁰.

Роль татарской прессы в развитии женской мобильности

Такого рода мобильность татарских девушек поощрялась некоторыми татарскими периодическими изданиями. Они начали издаваться по всей России с 1905 г. До этого самой массовой газетой считалось издание «Тарджеман». Татарская периодическая печать стала одним из главных инструментов пропаганды нового женского образа: образованных девушек, «матерей нации». Почти в каждой газете была «женская страничка» [Биктимирова, 2011: 37; Брилева, 2018]. Пресса создавала определенную модель поведения.

Например, редактор оренбургской газеты «Вақыт» Ф. Карими в одной из статей в 1913 г. хвалил гимназистку Т. Актуганову за её поездку из Ташкента в Оренбург, где отмечал, что «самостоятельное путешествие наших девушек и женщин — большая редкость» [Габдрафикова, 2015: 289—290]. В 1912 г. в серии статей «Стамбульские письма» Ф. Карими рассказывал о четырех студентках-татарках из Петербурга, поехавших во время Балканской войны в Стамбул в качестве сестёр милосердия. О Г. Камаловой (Чистополь), Р. Юнусовой (Петербург), М. Якуповой (Ташкент) М. Паташевой (Ростов) писали и другие татарские газеты. Образованные, смелые и независимые в суждениях — они ставились в пример другим. Девушки и сами выступали на страницах прессы, в том числе с критикой ограничения женских передвижений¹¹. Одна из них — Марьям Паташева — летом 1917 г. стала кандидатом на должность женщины-судьи в ОМДС, но избрали М. Буби [Фаизов, 2005: 42].

Татарская пресса развивала и женскую мобильность в тексте. Если сравнить разные поколения татарских женщин, то видна существенная разница. Например, талантливая поэтесса из с. Каменный Яр Черноярского уезда Астраханской губернии Газиза Самитова (1862—1929) так и не посмела опубликовать свои тексты и писала их для себя [Габдрафикова, 2015: 284—285], а девушки следующего поколения были другими. Они отправляли в газеты и журналы стихи, письма, статьи, не боясь общественного осуждения.

Случай Захиды Бурнашевой

В 1917 г. участницей женского съезда в Казани была мугаллима Захида Бурнашева (1895—1977), приехавшая для этого из Москвы. В татарской культуре она была известна как поэтесса Гыйфат туташ, её стихи публиковались в разных газетах той

¹⁰ Милләт аналары: тарихи-документаль һәм биографик җыентык. С. 534—543.

¹¹ XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләре (документлар җыентыгы). С. 337—338.

поры. Она выросла в татарском селе Азеево Тамбовской губернии (совр. Рязанская обл.), отец занимался предпринимательством. Её случай уникален тем, что географическая мобильность связана еще и с «виртуальной» активностью, а при получении ею личной свободы существенную роль сыграла пресса.

Зимой 1915 г. 20-летняя Захида написала письмо в редакцию газеты «Вақыт» с просьбой защитить её от родителей: они были против творчества дочери, запрещали публиковаться. На тот момент конфликт длился несколько месяцев, втянуты в него были разные люди. Скандальный характер семейный конфликт приобрел в августе 1914 г., когда девушка сбежала из дома. Она объясняла это тем, что узнав о её анонимных публикациях в газетах, родители закрыли дочь дома, запретили любое общение, лишили домашней библиотеки и т. д.

Письмо З. Бурнашевой перепечатали и другие газеты («Йолдыз», «Тормыш»). Начали приходить ответы на данное послание. Открытым письмом поэтесса раскрыла настоящее имя и пыталась «через печать объяснить нации» собственную правоту, надеясь «на защиту нации».

В Азеево проживало почти 5 тыс. жителей, это был практически небольшой город. Убежав от родителей, З. Бурнашева нашла приют в одном из местных домов. Родители пытались вернуть её через волостное правление. Они хотели помешать получению вида на жительство и предъявляли ей разные обвинения: украла какие-то вещи, хочет уехать в Турцию, устроиться в публичный дом и т. д. Но все обвинения оказались беспочвенными. Наконец, они подговорили жителей села, чтобы никто в Азеево не пускал её к себе. Однако этим ходом лишь ускорили отъезд дочери — Захида уехала в соседнюю деревню Богданово того же Елатомского уезда, в 12 верстах от села Азеево. Там находилось имение купца Х. Ширинского, именно в его семье проживала девушка, когда отправляла открытое письмо в редакцию газеты. Из-за родителей она не могла получить вид на жительство и выехать за пределы уезда¹².

В сентябре 1915 г. З. Бурнашева сообщала читателям газеты, что она «избавилась от обвинений и получила паспорт»¹³. Она уехала в Москву, устроилась домашней учительницей, в том же 1915 г. был издан сборник её стихов. Таким образом, путем широкой огласки проблемы девушка получила свободу от родительской опеки. В 1917 г. она активно включилась в татарское женское движение: была председателем благотворительного общества мусульманок г. Москвы¹⁴, участвовала в казанском женском съезде. После 1917 г. З. Бурнашева работала в женотделах и школах Средней Азии [Бурнашева, 1971].

Возможно, её случай вдохновил и других девушек. В 1915 г. она была не единственной сбежавшей из дома татаркой. Схожая история случилась в городе Елабуга Вятской губернии, откуда, вопреки воле родителей, уехала в Петербург выпускница местной гимназии Ашраф Синяева. Она поступила в частную театральную школу¹⁵. В 1917 г. А. Синяева начала работать в труппе «Сайяр» и стала первой татарской актрисой с профессиональным образованием.

¹² Там же. С. 346.

¹³ Там же. С. 347—348.

¹⁴ 100-летие образования Татарской АССР: сборник документов и материалов / под ред. Р. Р. Фахрутдинова. Т. 1. Казань: Заман, 2017. С. 40.

¹⁵ Әдәби сүзлек (элекке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәлек). С. 218.

Выводы

Изучение мобильности татарок рубежа XIX—XX вв. показало, что женщины выступали важным фактором социокультурных изменений в татарском обществе России. Географические рамки женской активности охватывали территорию практически всей империи. Комплексный анализ этих коммуникаций дал следующую картину развития положения татарской женщины в указанный период.

Мобильность образованных татарских женщин на рубеже XIX—XX вв. была отражением реалий того времени. Сначала они находились под контролем отца, супруга или других мужчин-родственников. На первых этапах передвижения и смена социального статуса были возможны лишь в качестве поддержки корпоративно-родственных связей татарского купечества и духовенства. Дочери купцов и мулл могли быть выданы замуж далеко от родных мест, если это отвечало семейно-корпоративным интересам. Такие женщины становились своеобразными агентами новых знаний, так как, являясь носителями традиций собственной семьи, внедряли их и на новом месте. Эти социальные проекты (школы, приюты, газеты и т.д.) осуществлялись на собственные средства наследниц состоятельных фамилий и, безусловно, способствовали социальной модернизации татарского общества и страны в целом. В начале XX в. вместе с мужьями начали выходить в публичное пространство женщины иного типа: супруги представителей интеллигентных профессий (учителей, журналистов и т. д.). Они влияли на общественное мнение не только с помощью капиталов и социальных проектов, а показывали собственным примером возможность женской эмансипации: получения образования, публикации в прессе, участия в общественных собраниях и т. д.

Если в 1900-е гг. публичная активность была больше свойственна замужним женщинам, то в 1910-е гг. передвижения, а вместе с ними и трудовая деятельность, стали характерны и для незамужних девушек. Все это было связано с изменениями паспортной системы, переменами в общественной жизни.

Географическая мобильность женщин, вкупе с необходимостью образования, пропагандировалась на страницах татарских газет, особенно после 1905 г. Эти публикации становились ориентиром для молодых девушек, которые даже убегали из дома, выбирая возможность получения образования и самостоятельной жизни. Они транслировали новый опыт не только в повседневной жизни, но и в текстах. Кульминацией пропаганды «женского вопроса» стало проведение в Казани в 1917 г. Всероссийского мусульманского женского съезда.

Опыт женской мобильности рубежа XIX—XX вв. стал опорой при формировании новых ценностей позднее. Большая часть образованных татарских женщин начала XX в. стала работниками советской системы просвещения и культуры.

Список источников

- Биктимирова Т. А. Ступени образования до Сорбонны. Казань: Татарское книжное издательство, 2011. 168 с.
- Брилева Д. С. О женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36, № 2. С. 17—36.

- Бурнашева З. Х. Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1971. 152 б.
- Габдрафикова Л. Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX — начало XX века). Казань: Татарское книжное издательство, 2015. 365 с.
- Габдрафикова Л. Р. Мугаллима: новая социально-профессиональная роль татарской женщины начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 2. С. 302—319.
- Габдрафикова Л. Р. Татары-мусульмане и слухи во время Первой мировой войны: гендерные и религиозные стереотипы // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2024. № 32. С. 160—197.
- Ребрей С. М. Концепция агентности как новый подход к измерению гендерного неравенства // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 108—117.
- Фаизов С. Ф. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. Н. Новгород: НИМ «Махинур», 2005. 106 с.
- Хабутдинов А. Ю., Имашева М. М., Хабутдинова М. М. Общественно-политическое движение женщин-мусульманок Волго-Уральского региона в 1917 г. // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 135—151.
- Хасбулатова О. А. Женское движение в России как фактор социального прогресса (1900—1917 гг.) // Женщина в российском обществе. 2017. Т. 83, № 2. С. 5—14.
- Человек в революции: Казанская губерния. Т. 2. 1917 г. / под ред. Л. Р. Габдрафиковой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 432 с.
- Энгель Б. А. Женщины в России. 1700—2000. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 423 с.
- Adiloğlu A. Ceditcilik dönemi Kazan Tatar edebiyatında kadın hak ve hürriyetleri meselesi. Ankara: Gece kitaplığı, 2020. 452 p.
- Ross D. Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2020. 276 p.

References

- Adiloğlu, A. (2020) *Ceditcilik dönemi Kazan Tatar edebiyatında kadın hak ve hürriyetleri meselesi* [The issue of women's rights and freedoms in the Kazan Tatar literature within the Jadidism period]. Ankara: Gece kitaplığı, 452 p.
- Biktimirova, T. A. (2011) *Stupeni obrazovaniia do Sorbonny* [Educational stages before the Sorbonne]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 168 p.
- Brileva, D. S. (2018) O zhenshchine i ustami zhenshchiny: musul'manka v tatarskoï periodicheskoi pechati nachala XX v. [Women Talking About Women: A Muslim Woman in the Tatar Periodical Press of the Early 20th Century], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 36, no. 2, pp. 17—36.
- Burnasheva, Z. Kh. (1971) *Tatar hatyn-kyzlary hærakæte tarihyynnan* [From the history of the Tatar women's movement]. Kazan: Tatarstan kitap nâshriyaty, 152 p.
- Chelovek v revoliutsii: Kazanskaia guberniia (2017) [Man in the Revolution: Kazan Province]. Vol. 2. 1917. In: L. R. Gabdräfikova (Ed.). Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 432 p.
- Engel, B. A. (2004) *Women in Russia, 1700—2000*. New York: Cambridge University Press, 275 p.
- Faizov, S. F. (2005) *Dvizhenie musul'manok Rossii za prava zhenshchin v 1917 g.: stranitsy istorii* [The Muslim Women's Movement in Russia for Women's Rights in 1917: Pages of History]. Nizhniï Novgorod: NIM «Mahinur», 106 p.
- Gabdräfikova, L. R. (2015) *Tatarskoe burzhuaznoe obshchestvo: stil' zhizni v epokhu peremen (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka)* [Tatar bourgeois society: lifestyle in an era of change (second half of the 19th — early 20th centuries)]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 365 p.

- Gabdrāfikova, L. R. (2019) Mugallima: novaia sotsial'no-professional'naia rol' tatarskoï zhenshhiny nachala XX v. [Mugallima: Tatar women's new social and professional role in the early 20th century], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Istorii Rossii*, vol. 18, no. 2, pp. 302—319.
- Gabdrāfikova, L. R. (2024) Tatary-musul'mane i slukhi vo vremia Pervoï mirovoï voïny: gendernye i religioznye stereotipy [Muslim Tatars and rumors during World War I: gender and religious stereotypes], *Adam&Eva. Al'manakh gendernoï istorii*. Moscow: IVI RAN, no. 32, pp. 160—197.
- Khabutdinov, A. Yu., Imasheva, M. M., Khabutdinova, M. M. (2023) Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie zhenshchin-musul'manok Volgo-Ural'skogo regiona v 1917 g. [The sotsio-political movement of Muslim women in the Volga-Ural region in 1917], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 135—151.
- Khasbulatova, O. A. (2017) Zhenskoe dvizhenie v Rossii kak faktor social'nogo progressa (1900—1917 gg.) [Women's movement in Russia as a factor of social progress (1900—1917)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, vol. 83, no. 2, pp. 5—14.
- Rebrey, S. M. (2022) Kontseptsii agentnosti kak novyi podkhod k izmereniiu gendernogo neravenstva [The concept of agency as a new approach to measuring gender inequality], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 108—117.
- Ross, D. (2020) *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 267 p.

Статья поступила в редакцию 07.06.2026; одобрена после рецензирования 17.06.2026; принята к публикации 10.08.2026.

The article was submitted 07.06.2026; approved after reviewing 17.06.2026; accepted for publication 10.08.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Габдрафикова Лилия Рамилевна — доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, главный научный сотрудник, Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, bahetem@mail.ru (Dr. Sc. (History), Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Principal Researcher, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation).